

К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ ВЕНГРОВ В IX ВЕКЕ В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ТЕЛЬНОВ*

Ключевые слова: *Нижнее Поднестровье, Слободзейский курган, средневековые погребения, салтовомаяцкая культура, памятники Субботцевского типа, древние венгры*

Kulcsszavak: *a Dnyeszter alsó folyása, szlobodzejai kurgán, középkori sírok, szaltovo–majaki kultúra, szubbotci típusú leletek, a magyarok elődei*

Николай Петрович Тельнов

К вопросу о присутствии венгров в IX веке в Нижнем Поднестровье

Исследование средневековых погребений Слободзейского кургана, который является первым раскопанным могильником IX века в Нижнем Поднестровье, позволяет нам изучить закрытые комплексы, которые могут относиться к древневенгерскому культурному кругу. Дальнейшее изучение кочевнических древностей конца VIII–IX вв. в регионе позволит исследователям проверить эту точку зрения и приблизиться к решению венгерской проблемы или более объективно изучить другие аспекты истории IX века в Нижнем Поднестровье.

Nyikolaj Petrovics Tyelnov

A magyarság 9. századi Alsó-Dnyeszter menti jelenlétének kérdéséhez

Az Alsó-Dnyeszter mentén feltárt szlobodzejai kurgán középkori sírjai alkotják az első 9. századi temetőt ebben a régióban. A zárt leletegyüttesek elemzése nyomán a sírok a korai magyar kultúrkörhöz köthetők. A térség 8. század végi – 9. századi nomád emlékeinek további kutatása fogja lehetővé tenni a kutatók számára ennek az elképzelésnek a megerősítését és a magyarság eredetkérdésének jobb megértését. A nomád emlékek további kutatása egyúttal az Alsó-Dnyeszter mente 9. századi történetének más szempontok szerinti objektívebb vizsgálatát is lehetővé teszi.

Вопросы истории проживания венгров в IX веке в Северном Причерноморье имеют обширную историографию.¹ Некоторые из них до сих пор рассматриваются на уровне гипотетических доказательств, другие обосновываются письменными свидетельствами, но полного единства во взглядах ученых нет. Довольно аргументированно на основании письменных источников выделяется последний регион проживания венгров восточнее Карпат перед их переселением в Придунайскую низменность. По письменным источникам эта область известна как Этелькуза, даже у некоторых древних авторов даны ее координаты или границы.² Но между современными исследователями в этом вопросе единства нет,

так как одни, вслед за Константином Багрянородным, считают, что Этелькуза располагалась на пространстве между пятью реками, крайними из которых на востоке была река Днепр, а на западе Сирет, другие полагают, что она включала территорию от Днепра до Дуная, третьи – от Днепра до Днестра и т.д. Для нас важным является то, что во всех этих суждениях о размерах и границах Этелькузы Нижнее Поднестровье включается в эту область. Является ли оно, по представлению исследователей, центральным регионом в Этелькузе или пограничным западным или восточным, но в состав Этелькузы оно, по их мнению, входило. Поэтому, если исходить из этих убеждений, что Нижнее Поднестровье

* Центр археологии, Института культурного наследия АН РМ, Штефан чел Маре 1, Кишинев, MD-2001, Республика Молдова, telnov_nikolai@mail.ru

¹ Шушарин 1997.

² Константин Багрянородный 1991, 160–163.

входило в зону проживания венгров в IX в., то должны быть надежные свидетельства их присутствия в этой местности. Со свидетельствами, как раз проблемы.

В этой связи следует сначала кратко остановиться на сообщениях письменных источников, которые позволяют предположить о пребывании венгров в обозначенном нами районе. Сразу следует оговориться, что конкретного наименования Нижнего Поднепровья в них нет, но, исходя из имеющихся данных, можно заключить, что в IX веке, этот регион входил в область проживания венгров.

О несомненном присутствии венгров в Северном Причерноморье уже в первой половине IX века можно судить по двум таким источникам, как «Продолжение Георгия Амартола» и «Бертинским анналам». В первом византийском источнике IX в. рассказывается о конфликте между Византией и Болгарией, примерно, в 837 г., из-за попытки византийцев эвакуировать плененных болгарами жителей Македонии, расселенных на левом берегу Дуная, недалеко от его дельты. Болгарам понадобилась срочная помощь, и они позвали венгров, которые незамедлительно прибыли в зону конфликта. Для того чтобы оперативно принять участие в конфликте, венгры должны были находиться близко от места описываемых событий. Этим регионом могло быть Нижнее Поднепровье, куда легко и быстро можно было вести подать, и откуда срочно могла прийти помощь. Во втором источнике, франкской хронике «Бертинские анналы», сообщается о посольстве народа рос 839 г. к императору Людовику, перенаправленному византийским императором Феофилом. Феофил опасался отправить посольство назад той же дорогой, которой оно прибыло в Константинополь из-за того, что оно могло попасть в опасность от «варварских и свирепых народов», в которых подавляющее большинство исследователей видят все тех же венгров. Это известие часто

тракуется, как прямое указание, что венгры неожиданно преградили обратную дорогу русскому посольству во время пребывания последнего в Константинополе.³ А. В. Комар в этой связи полагает, что «*в то же время, не лишено оснований другое предположение, что именно участие мадьяр в византийско-болгарском конфликте около 837 г. действительно могло вызвать реальные опасения византийского двора за судьбу посольства на обратном пути*».⁴

Для нас, в этом случае, важно то, что путь посольства, скорее всего, пролегал через Нижнее Поднепровье, где в это время уже располагались венгры.

Можно также отметить эпизод, который случился с Константином Философом зимой или весной 861 года в Крыму, когда произошла его встреча с венграми,⁵ которые, надо полагать, находились в это время и в Крыму и Этелькузе и, соответственно, в Нижнем Поднепровье.

О том, что Нижнеднепровский регион был заселен венграми в IX веке косвенно свидетельствует восточный автор Ибн Русте, сообщающий, что венгры продают пленных на невольничьих рынках византийских владений в Крыму.⁶ Исходя из сообщений этого автора, можно предположить, что до византийских владений в Крым можно было добраться берегом, в том числе из междуречья Днестра и Днепра.

По свидетельству Константина Багрянородного, территория, на которой венгры проживали перед уходом на Средний Дунай, называлась Ателькузу. Полагают, что само это слово, Этелькез, в переводе с венгерского обозначает «Междуречье». При этом автор трактата «Об управлении империей» называет пять рек, между которыми проживали венгры перед переселением. Это Варух, в котором, по мнению исследователей, следует видеть печенежское название Днепра, Куву – печенежское название Южного Буга, Трулл – тюркское название Днестра, Брут – Прут и Сирет.⁷

³ Новосельцев 1990, 206; Цукерман 1998, 664–666.

⁴ Комар 2011, 29.

⁵ Комар 2011, 32–33.

⁶ Шушарин 1997, 106.

⁷ Константин Багрянородный 1991, 161–163.

Таким образом, из приведенного наименования рек, упомянутых Константином Багрянородным в описании местности Ателькузу, следует, что она располагалась от низовьев Днестра до низовьев Сирета, куда, соответственно, входило и Нижнее Поднестровье.

Следовательно, исходя из имеющихся данных письменных источников, можно заключить, что Нижнее Поднестровье в IX в. входило в регион проживания венгров перед их переселением на свою новую родину в Среднее Подунавье. Вывод этот не новый. К такому заключению приходили исследователи и ранее, по-разному определяя роль Нижнего Поднестровья в венгерской истории IX в.

К сожалению, письменные источники позволяли только в общем констатировать то, что в IX веке, находясь в Северном Причерноморье, венгры могли проживать в Нижнем Поднестровье. Дальше этого все свои построения исследователи конструировали по большей части, исходя из предположений и интуиции. Новых письменных источников не прибавлялось, а археологические отсутствовали, или почти отсутствовали. Впрочем, это касалось не только Нижнего Поднестровья, но и всего Северного Причерноморья.

Но именно археологические источники могут подтвердить или уточнить письменные сообщения древних авторов и предоставить новые материалы, позволяющие судить о культурных, этнических, экономических, политических, религиозных аспектах жизни древних обществ.

В этом плане особую актуальность приобретают материалы раннесредневекового могильника, который располагался на левом берегу Днестра у г. Слободзей⁸ (рис. 1).

Левобережье Нижнего Поднестровья обладает своеобразной природной спецификой, которая играла заметную роль в жизни обитавшего здесь в древности населения. Являясь продолжением украинской степи, этот район был более всего пригоден для проживания древних скотоводов и особенно скотоводов-кочевников. Широкая пойма Днестра, пойменные леса, луга, мягкий климат способствовали постоянному за-

Рис. 1. Географическое положение кургана у г. Слободзея
1. kép. A szlobodzejai kurgán földrajzi elhelyezkedése

селению региона от эпохи энеолита до позднего средневековья.

Курганная насыпь Слободзейского могильника диаметром 44 м и высотой 1,6 м размещена на коренном берегу реки Днестр. Его раскопки были произведены в 1994 году, в результате чего были выявлены 43 погребения, относящиеся к четырем культурно-хронологическим горизонтам. К первым трем были отнесены погребения от энеолита до средней бронзы. Четвертый был представлен 26 захоронениями раннесредневековых кочевников, составивших самую многочисленную группу в раскопанном кургане (рис. 2). Подавляющая часть из них была сконцентрирована в южной зоне кургана, 16 из которых располагались в юго-западном секторе, а четыре в юго-восточном. Еще пять погребений располагались в северо-западном секторе кургана и одно в северо-восточном. Погребения

⁸ ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ГЕЛЬНОВ 2008.

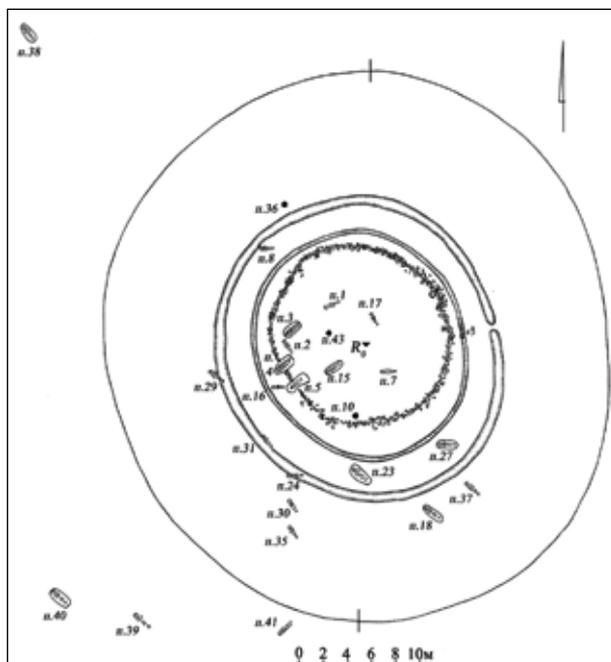

Рис. 2. Позднекочевнический горизонт кургана у г. Слободзея
2. k p. A szlobodzejai kurg n k s  nom d horizontja

размещены три относительно компактными группами, которые между собой разделены свободными от могил участками. С определенными оговорками можно предполагать, что в каждой из них хоронились члены отдельной большой семьи. Ямы были прямоугольной в плане формы со скругленными углами, имели, как правило, ровные, вертикальные стены и достигали различной глубины. На могильнике было исследовано два кенотафа. Все погребения одиночные. Умерших хоронили, как правило, на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Из 24 четко зафиксированных средневековых захоронений, 23 имели западную ориентировку с заметными сезонными отклонениями. Подобная ситуация для рассматриваемого периода характерна для степного варианта салтово-маяцкой культуры и ранних болгар на Волге.⁹ Следует отметить, что 21 погребение в той или иной степени подверглось разрушению в древности,

что позволяет предположить проведение обряда обезвреживания погребенных.¹⁰

В трех погребениях прослежено наличие тлена от подстилки, по одному разу отмечены угольно-меловая подсыпка, угли под черепом, крупные камни рядом со скелетом. В двух погребальных комплексах зафиксировано наличие заупокойной пищи из костей мелкого рогатого скота, в обоих случаях расположенной в районе черепа. Все эти черты находят прямые аналогии у болгар на Волге, а также в донских и дунайских болгарских погребениях.¹¹

Обращает на себя внимание сопровождение погребений людей костями коня и сбруей. Кости коня, череп и конечности, отчлененные по первый или второй сустав, встречены в трех погребениях. В четырех погребениях были выявлены удила и стремяна. С. А. Плетнева утверждает, что погребения с останками коня, головой и ногами, совершенно не характерны для болгар.¹²

В 14 из 26 исследованных раннесредневековых погребений выявлен сопровождающий инвентарь, представленный орудиями труда и предметами быта, предметами вооружения и конского снаряжения, поясным набором и поясными пряжками, украшениями, предметами туалета и амулетами, а также керамической посудой.

Из орудий труда и предметов быта в шести погребениях обнаружены ножи двух видов с пластинчатой и черенковой рукоятью (рис. 3. 4; рис. 5. 1; рис. 5. 4; рис. 7. 10; рис. 8. 3; рис. 9. 9).

Кресала калачевидной формы в количестве пяти штук происходят из трех погребений (рис. 3. 8, 10; рис. 4. 11; рис. 10. 10).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, остатками луков и колчанным крючком.

Железные наконечники стрел плоские, ромбовидной формы и черешковые, которые представлены в количестве 16 штук в пяти погребениях (рис. 4. 4–8; рис. 7. 19–20; рис. 10. 2–5). Широ-

⁹ ПЛЕТНЕВА 1967, 92; ПЛЕТНЕВА 1981a, 78.

¹⁰ ФЛЕРОВ 1993, 56.

¹¹ ПЛЕТНЕВА 1981a, 78.

¹² ПЛЕТНЕВА 1981a, 78.

Рис. 3. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 17; 2–4: Инвентарь погребения 17; 5: Погребение 10; 6: Фрагмент лепного сосуда из погребения 10; 7–13: Погребение 16.

3. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 17. sír; 2–4: A 17. sír melléklete; 5: 10. sír; 6: A 10. sírből származó kézzel formált kerámia töredéke; 7–13: 16. sír

кое распространение подобные наконечники получают в IX в.¹³

Остатки луков, зафиксированные по костяным накладкам, обнаружены в трех погребениях

(рис. 5. 2–5; рис. 6. 8–9; рис. 10. 6–7). Анализ накладок позволяет выделить «древнетюркский» и так называемый «салтовский» луки. «Тюркские» луки имеют широкую датировку в рамках VIII–IX вв.¹⁴ «Салтовский» тип лука наибольшее распространение получил с середины IX в.¹⁵

Крючок для крепления колчана обнаружен в погребении 18 (рис. 4. 2). Ближайшие аналогии он находит в Старосалтовском¹⁶ и Дмитриевском могильниках.¹⁷

Предметы конского снаряжения характеризуются железными удилами, обнаруженными в четырех погребениях, которые из-за сильной коррозии не поддаются восстановлению. Кроме этого, в двух погребениях выявлены стремена двух типов (рис. 4. 9–10; рис. 8. 6–7).

Первый тип имеет овальную форму с трапециевидным ушком и подпрямоугольной прорезью для крепления. Подобные стремена имеют широкий круг аналогий. Известны они в салтовских древностях и в караякуповской культуре Южного Урала.¹⁸

Второй тип стремян имеет прямоугельно-овальную форму, так называемого «арочного» типа. Подобные стремена характерны как для кочевого, так и переходящего к оседлому образу жизни обществу алан, авар, венгров, черных болгар и особой популярностью пользовались у хазар.¹⁹ Об этом свидетельствуют многочисленные находки стремян арочного типа на памятниках салтовской культуры.²⁰

В погребении 18 встречен поясной набор, от которого сохранилась пряжка, прорезные бляшки основного ремня и бляшки от подвесных ремней (рис. 5. 6). Поясные наборы являются специфическим воинским атрибутом и были широко распространены среди кочевых и оседлых народов в эпоху раннего средневековья от Дуная до Сибири.²¹ Отдельные детали гарни-

¹³ ПЛЕТНЕВА 1967, 161.

¹⁴ КРУГЛОВ 2005, 73–143.

¹⁵ ПЛЕТНЕВА 1981, 74, рис. 36. 6.

¹⁶ АКСЕНОВ 1999.

¹⁷ ПЛЕТНЕВА 1989, 72, рис. 33.

¹⁸ ПЛЕТНЕВА 1958, 156–159; МАЖИТОВ 1981, 171, рис. 55. 62–63.

¹⁹ КИРПИЧНИКОВ 1973, 49.

²⁰ ЛЯПУШКИН 1958, 119, рис. 15; ПЛЕТНЕВА 1989, 90, рис. 44.

²¹ КОМАР 2005, 183–184.

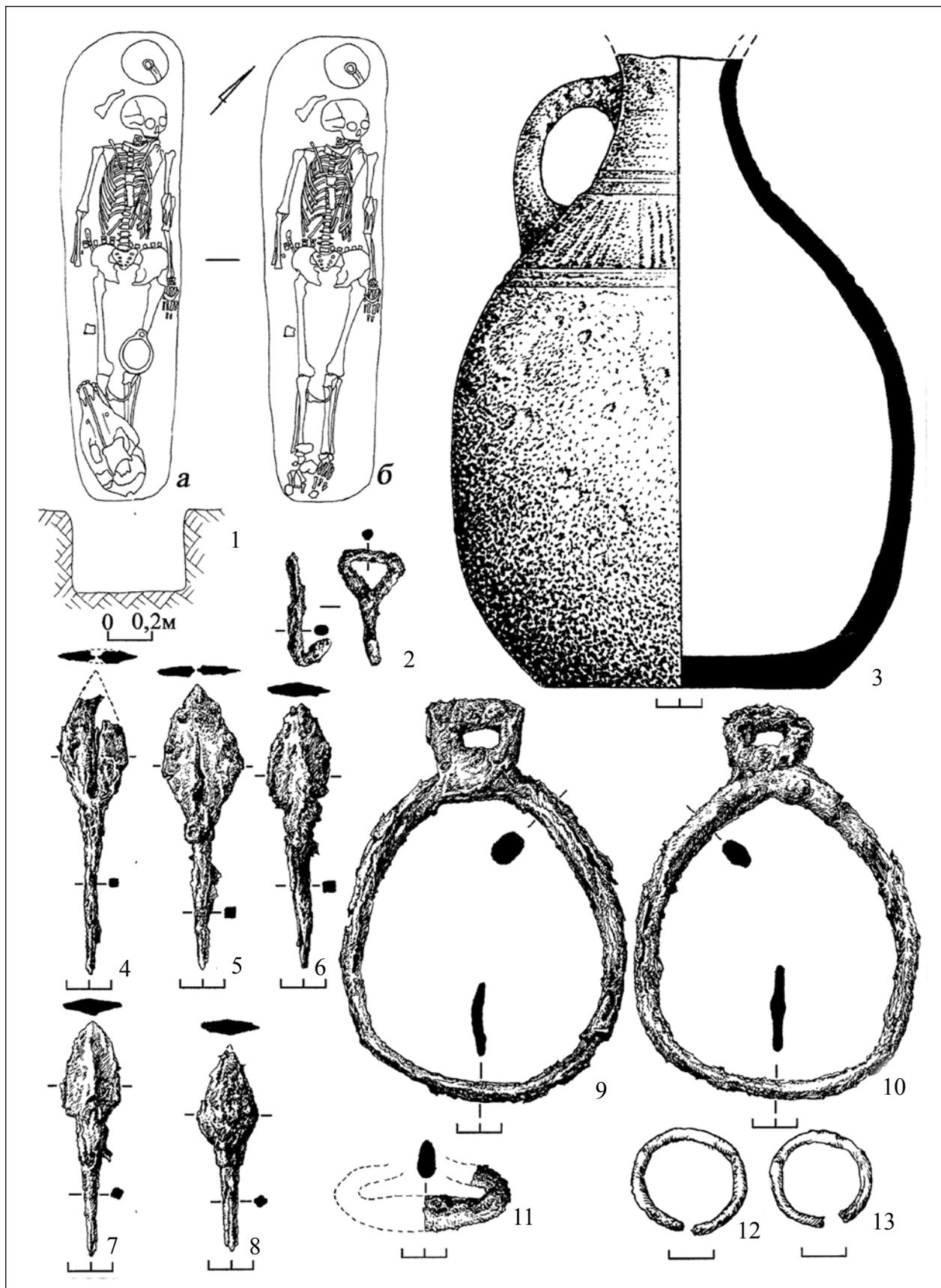

Рис. 4. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 18; 2–13: Инвентарь погребения 18.

4. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 18. sír; 2–13: A 18. sír melléklete

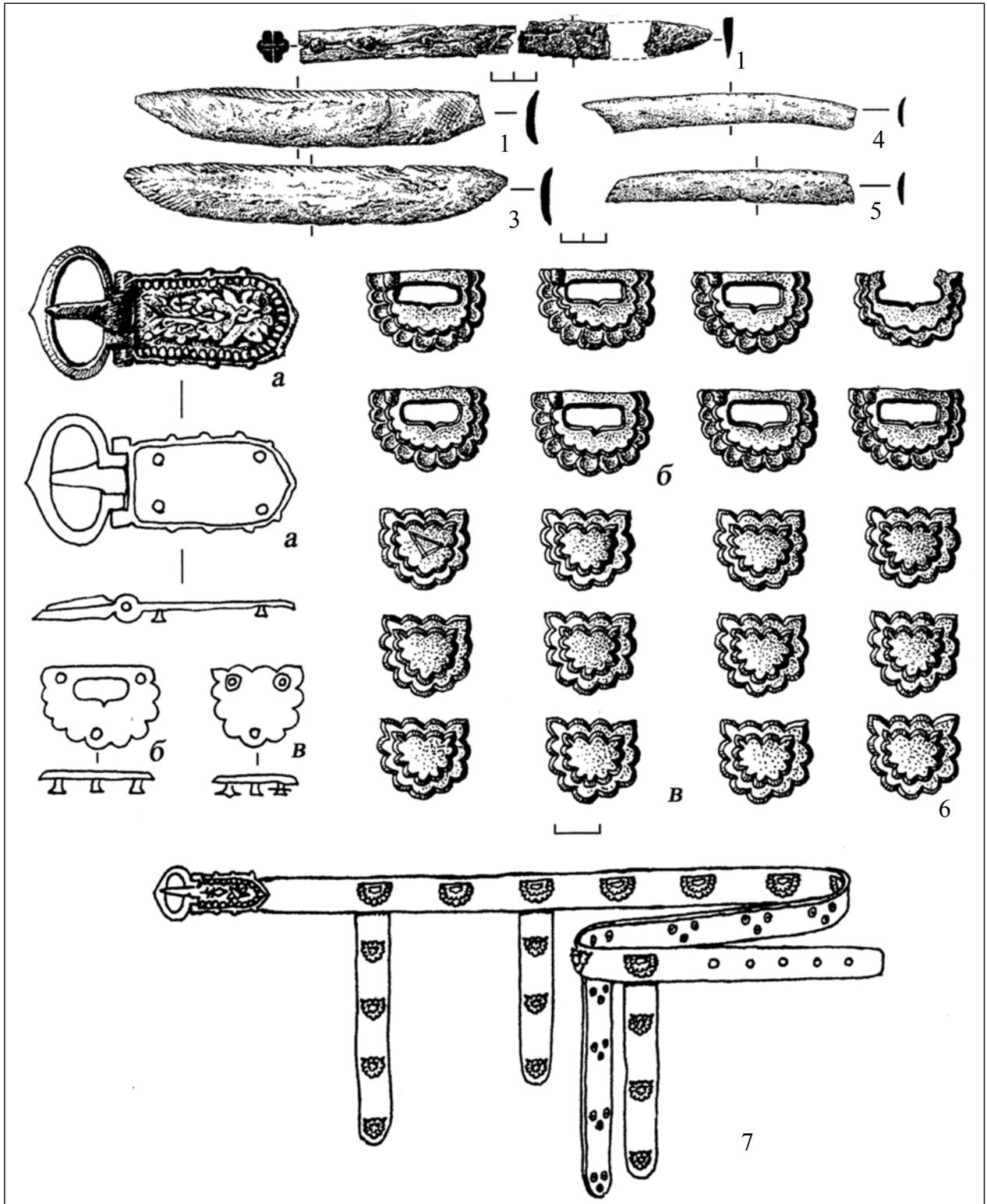

Рис. 5. Курган у г. Слободзея. 1–6: Инвентарь погребения 18; 7: Реконструкция пояса из погребения 18
5. kép. A szlobodzejai kurgán. 1–6: A 18. sír melléklete; 7: A 18. sírból előkerült öv rekonstrukciója

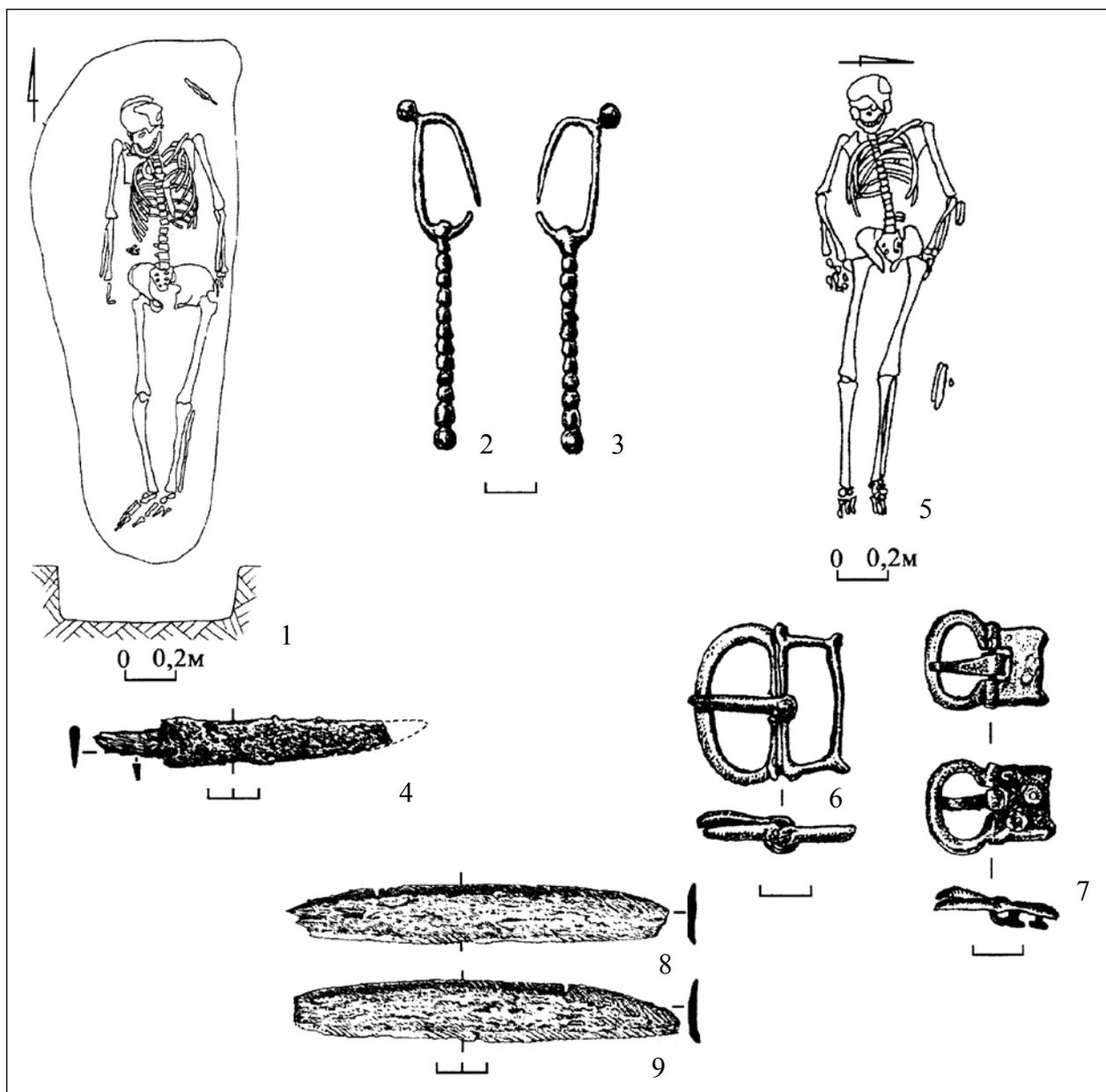

Рис. 6. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 23; 2–4: Инвентарь погребения 23; 5: Погребение 24; 6–9: Инвентарь погребения 24

6. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 23. sír; 2–4: A 23. sír mellélete; 5: 24. sír; 6–9: A 24. sír mellélete

туры позволяют отнести этот поясной набор к концу VIII – первой половине IX в.²²

В погребении 24 были обнаружены две пряжки ремной гарнитуры (рис. 6. 6–7). Первая овальная бронзовая пряжка с прямоугольно-рамочным щитком находит ближайшие анало-

гии в могильниках салтово-маяцкой культуры, которые датируются VIII–IX вв.²³ Вторая бронзовая литая овальная миниатюрная пряжка с прямоугольным щитком также находит ближайшие аналогии среди кочевнических древностей VIII–IX вв.²⁴

²² Ковалевская 1979, 35–36.

²³ Ковалевская 1979, 35–36.

²⁴ Мошкова–Максименко 1974, табл. XXIX. 5.

Украшения представлены серьгами, стеклянными бусами и бронзовым браслетом. Серьги обнаружены в десяти погребениях и относились к трем типам (*рис. 3. 2–3; рис. 4. 12–13; рис. 6. 2–3; рис. 7. 2–3, 9, 13–14; рис. 8. 7; 9. 3*). К первому принадлежали литые серебряные серьги, с удлиненной неподвижной подвеской, состоящей из 12 шариков, выявленные в погребении 23. Кольцо овальной формы без замка, снабженное в верхней части литым шариком. Встречаются во всем ареале салтово-маяцкой культуры и датируются второй половиной VIII – началом IX в.,²⁵ и также на Южном Урале в регионе караякуповской культуры. Ко второму типу относятся составные серьги, представленные двумя экземплярами из погребения 29 и одним из погребения 37. Серьги из погребения 29 с удлиненной подвеской, состоящей из двух полых шариков, разделенных конусовидной полый трубочкой. Изготовлены из серебра, покрытого тонким слоем позолоты, выполненным амальгамным способом. Ближайшие аналогии находят среди салтово-маяцких древностей и датируются серединой IX в. Серьга из погребения 37 с удлиненной подвижной подвеской, на которую нанизаны три полых шарика, разделенных небольшими пронизиями. Она изготовлена из серебра, покрытого тонким слоем позолоты, выполненным амальгамным способом. Имеет аналогии среди салтово-маяцкой культуры и датируется в пределах конца VIII – первой половины IX вв.²⁶ К третьему типу относятся кольцеобразные проволочные серьги с несомкнутыми концами из бронзовой, серебряной и серебряной позолоченной проволоки, круглой в сечении. Обнаружены в семи погребениях в количестве девяти штук. Подобный тип серег широко распространен в средневековых кочевнических древностях и не имеет узкой датировки.²⁷

Стеклянные бусы, выявленные в погребении 29, пяти-четырёх и двухсоставные зонные с металлической прокладкой из тонкого золотого листа (*рис. 7. 4*). Они известны на большинстве памятников салтово-маяцкой культуры.

Бронзовый браслет из погребения 37 (*рис. 9. 4*), овальной формы с уплощенными трапециевидными несомкнутыми концами, по ряду характерных признаков близок к подобным изделиям из Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры²⁸ и алано-болгарского могильника близ станицы Старокорсунской на Кубани, который датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв.²⁹

К предметам туалета относится бронзовая копоушка «коромыслообразной» формы с петлей из погребения 37 (*рис. 9. 8*). Подобные копоушки характерны для могильников салтово-маяцкой культуры и датируются концом VIII – первой половиной IX вв.³⁰

Амулеты из погребения 37 состояли из трех подвесок из кости трапециевидной и овальной формы со сквозными отверстиями (*рис. 9. 5–7*), а также раковины-подвески из створки морского моллюска. Подобные изделия известны на памятниках салтово-маяцкой культуры и характерны для конца VIII–IX вв.³¹

Астрагалы по три штуки найдены в погребениях 30 и 35 и четыре в погребении 38. Все они изготовлены из костей мелкого рогатого скота (*рис. 7. 6–8; рис. 8. 2; рис. 7. 15–18*).

Керамическая посуда присутствовала в пяти погребениях. Она делится на столовую и кухонную. К столовой относится нижняя часть корпуса гончарного сосуда из погребения 38 (*рис. 7. 12*) и одноручный гончарный кувшин с удлиненным овальным корпусом и широким плоским дном из погребения 18 (*рис. 4. 3*). Нижнюю часть сосуда из погребения 38 можно отнести к крымским импортам, для которых характерно изготовление

²⁵ Плетнева 1981, 150, *рис. 37. 3*; Мажитов 1981, 172, *рис. 56. 2*.

²⁶ Сташенков 1998, 219, *рис. 5. 6*.

²⁷ Федоров-Давыдов 1966, 39; Балагури-Фодор 1998, 175.

²⁸ Плетнева 1989, 144, *рис. 60*.

²⁹ Каминский 1987, 190, *рис. 3. 17*.

³⁰ Плетнева 1967, 141, *рис. 36*; Михеев 1986, 170–171, *рис. 6*.

³¹ Плетнева 1967, 14, *рис. 36*; Плетнева 1989, 96–98, *рис. 49*.

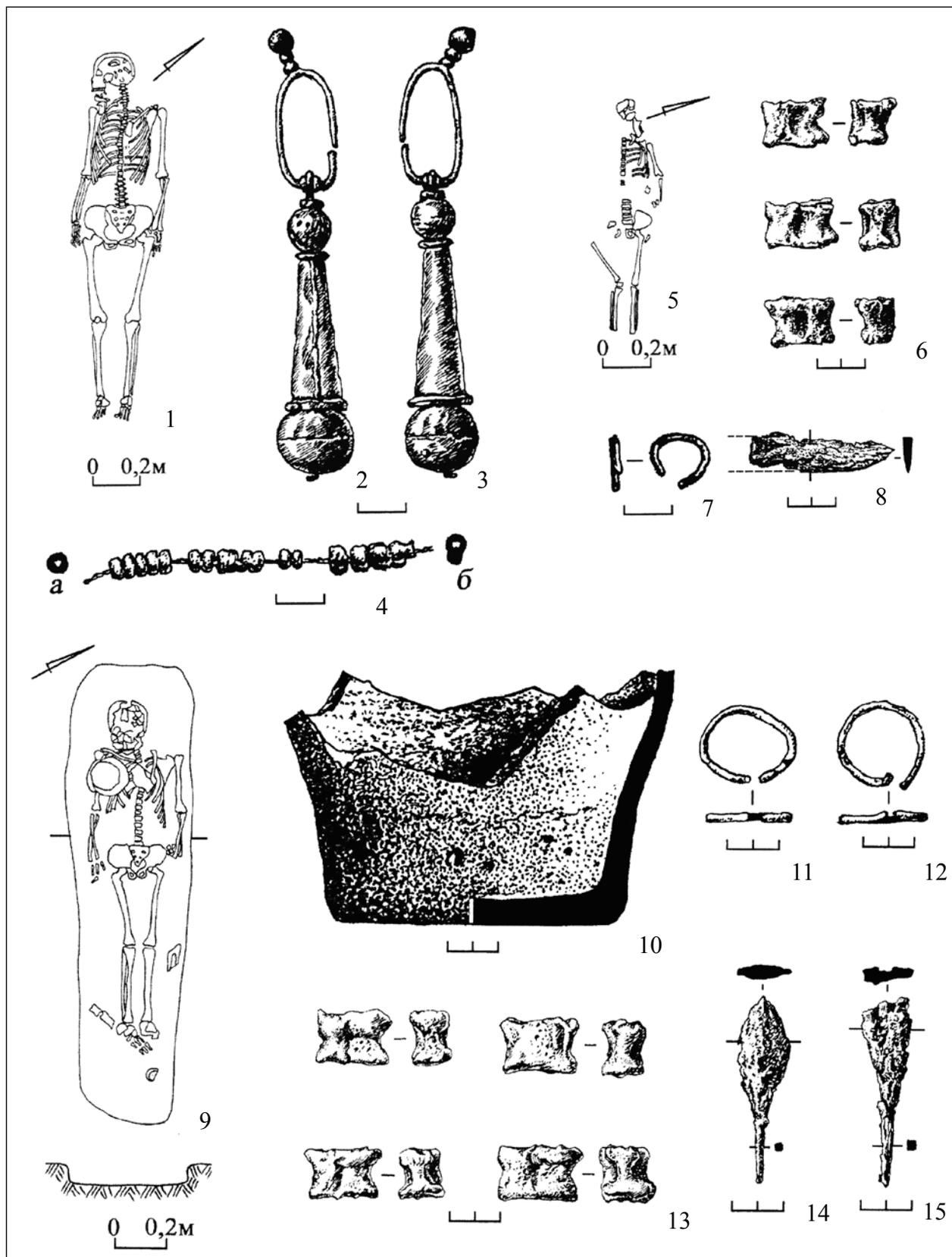

Рис. 7. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 29; 2-4: Инвентарь погребения 29; 5: Погребение 30; 6-8: Инвентарь погребения 30; 9: Погребение 38; 10-15: Инвентарь погребения 38

7. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 29. sír; 2-4: A 29. sír mellélete; 5: 30. sír; 6-8: A 30. sír mellélete; 9: 38. sír; 10-15: A 38. sír mellélete

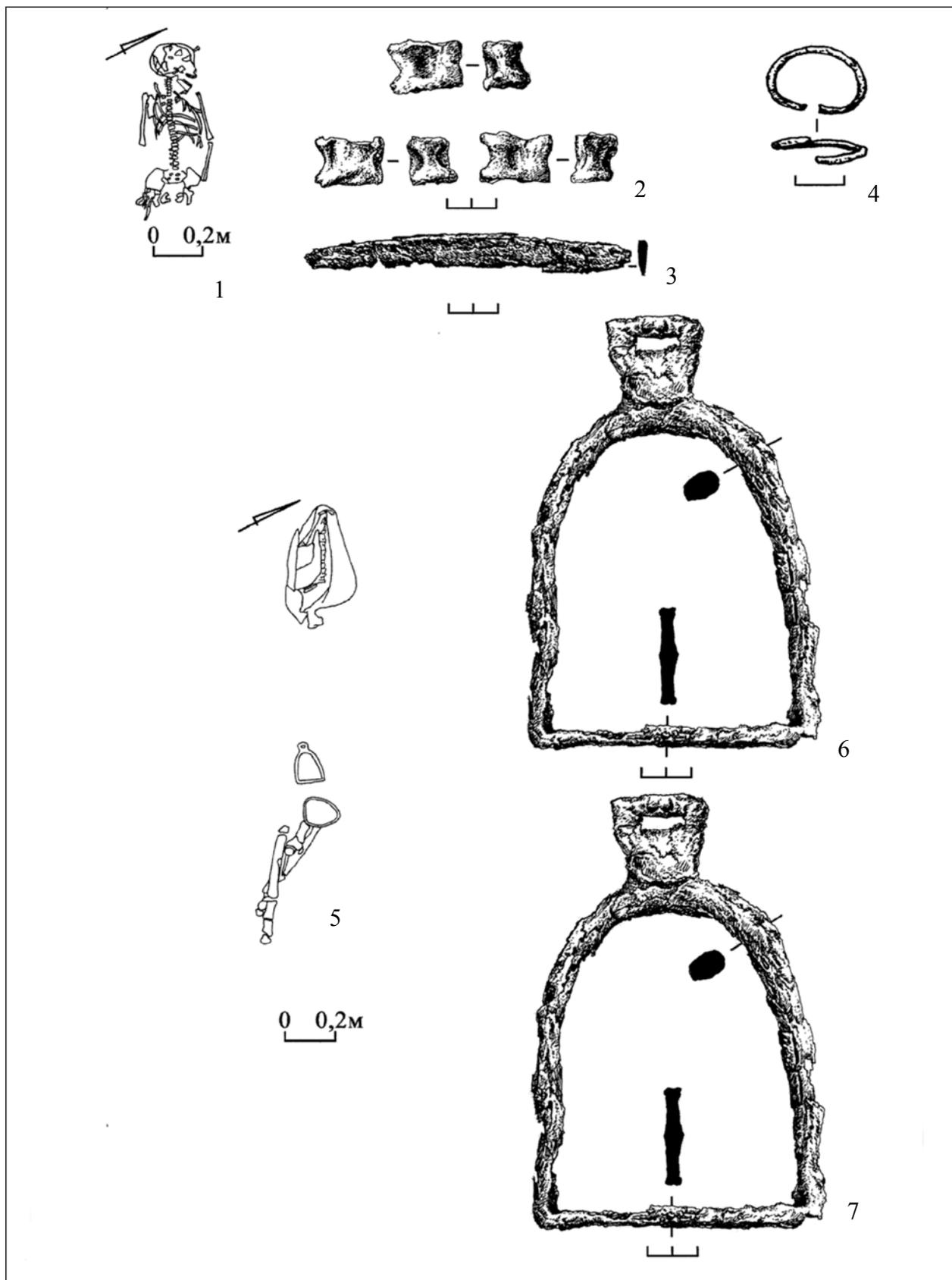

Рис. 8. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 35; 2-4: Инвентарь погребения 35; 5: Погребение 36; 6-7: Инвентарь погребения 36

8. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 35. sír; 2-4: A 35. sír melléklete; 5: 36. sír; 6-7: A 36. sír melléklete

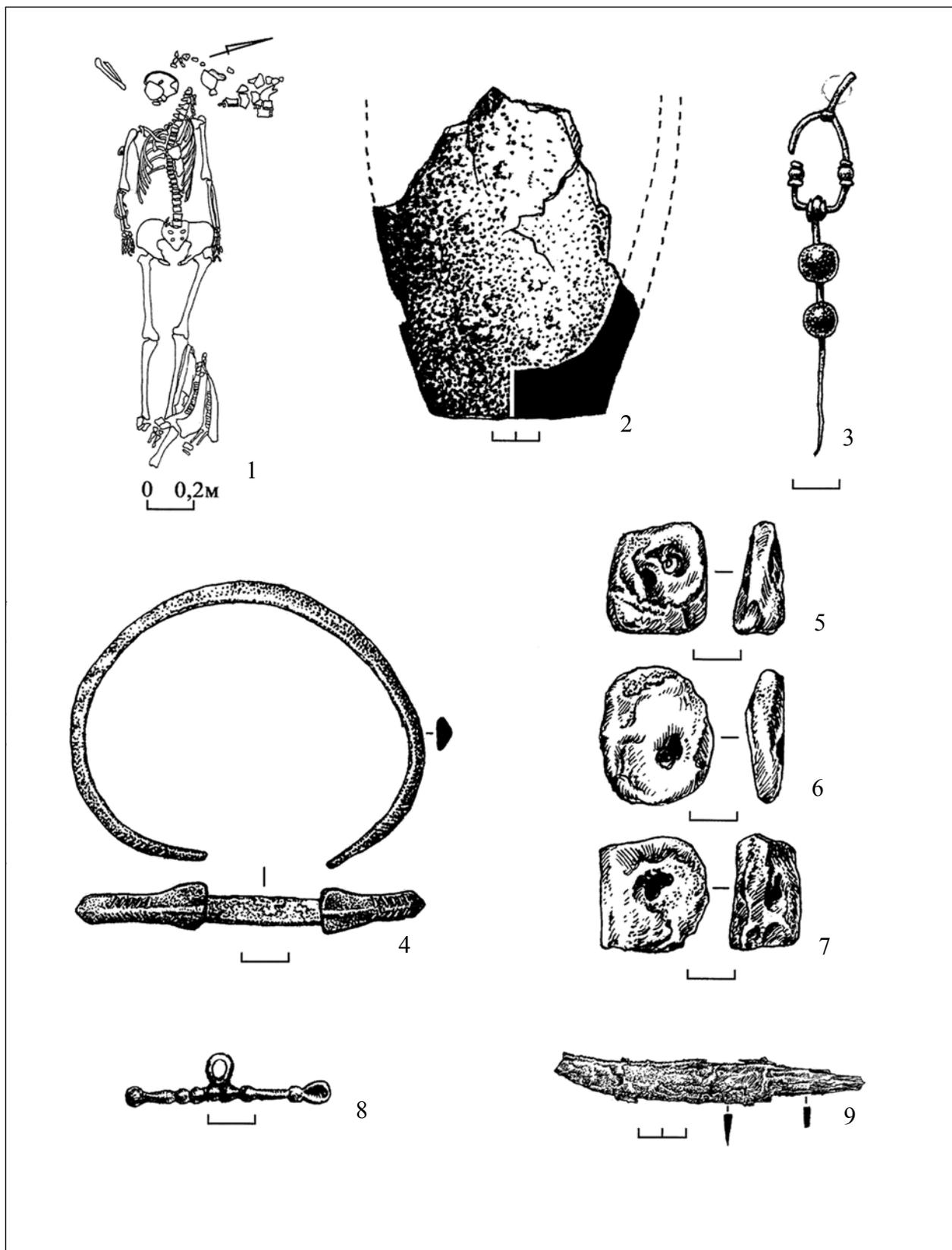

Рис. 9. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 37; 2–9: Инвентарь погребения 37
9. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 37. sír; 2–9: A 37. sír melléklete

из тщательно отмученного теста амфорного типа, качественный обжиг, светло-желтый или оранжевый цвет. Исследователи считают, что появление этих изделий на территориях, отделенных от Крыма, относится ко второй половине VIII – первой половине IX вв.³²

У сосуда из погребения 18 венчик был отбит в древности. Он был серого цвета, орнаментирован по плечикам лощеными вертикальными полосами. Подобные кувшины встречаются в Подонье, Подонцовье и Крыму. А. В. Комар видит ему аналогии по форме в волжско-болгарских древностях Танкеевского могильника.³³ Также он может происходить из Дунайско-Днепровского междуречья с таких поселений, как Орловка, Богатое и Суворово.³⁴

Кухонная посуда представлена горшками – одним целым экземпляром из погребения 40 (рис. 10. 9) и придонными частями из погребений 10 (рис. 3. 6) и 37 (рис. 9. 2). Два горшка из погребения 37 и 40 изготовлены из грубого керамического теста лепным способом, а горшок из погребения 10, возможно, изготовлен на медленно вращающемся гончарном круге, или подправлен на нем. Вся эта посуда относится к восточнославянской керамике типа Луки-Райковецкой, памятники которой широко распространены в Днестровско-Прутском междуречье в VIII–IX вв.

Анализ погребального обряда Слободзийского могильника позволил выделить ряд устойчивых признаков, характерных для кочевнических раннесредневековых погребальных древностей, таких, как простая форма ям, западная ориентировка с сезонными отклонениями, а также ритуальное разрушение могил с целью проведения обряда обезвреживания.

Подобные черты были широко распространены на могильниках, связываемых исследователями с древними болгарами и известны в пределах от Волжской Болгарии до Подонья и

до Дунайской Болгарии периода Первого Болгарского царства до принятия христианства.³⁵

Изучение погребального инвентаря Слободзейского могильника выявило в нем определенное количество предметов собственно салтовского круга, таких, к примеру, как женские серьги из погребений 29 и 37, браслет из погребения 37, стремяна из погребения 36, бронзовая копоушка из погребения 37. Все это сближает могильник со степным болгарским вариантом салтово-маяцкой культуры.

Некоторые исследователи справедливо полагают, что простая могильная яма и вытянутое на спине положение костяка с западной ориентировкой для раннего средневековья является одним из самых распространенных обрядов. Более показательны, по их мнению, расположение в могиле костей коня в виде сложенных у ног погребенного нижних частей конечностей и черепа, обращенного носовыми костями в сторону головы погребенного, являющиеся особенностью могил венгров X в. Карпатской котловины,³⁶ а также памятников типа Больше-Тиганского и Танкеевского могильников Татарстана.³⁷

Именно это мы можем наблюдать в погребениях 18 и 37 Слободзейского могильника.

Погребальный инвентарь Слободзейского могильника также, кроме аналогий в салтово-маяцких древностях, имеет аналогии в приуральских и прикамских памятниках. Так стремяна погребения 18 находят аналогии в караякуповских древностях. Преобладание срединных накладок лука, наличие плоских ромбовидных наконечников стрел и отсутствие трехгранных «салтовских», женские серьги с длинной литой подвеской, имитирующей многобусинную, мужские серьги-колечки тоже характерны для приуральских и прикамских памятников.

Поэтому Слободзейский средневековый могильник имеет, как общие черты с ямными

³² АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 1998, 345, 353.

³³ КОМАР 2011, 66.

³⁴ КОЗЛОВ 2015, 162, 166–167.

³⁵ ФЛЕРОВ 1993, 56.

³⁶ БАЛИНТ 1972, 176–188.

³⁷ КАЗАКОВ 1984, 99–110.

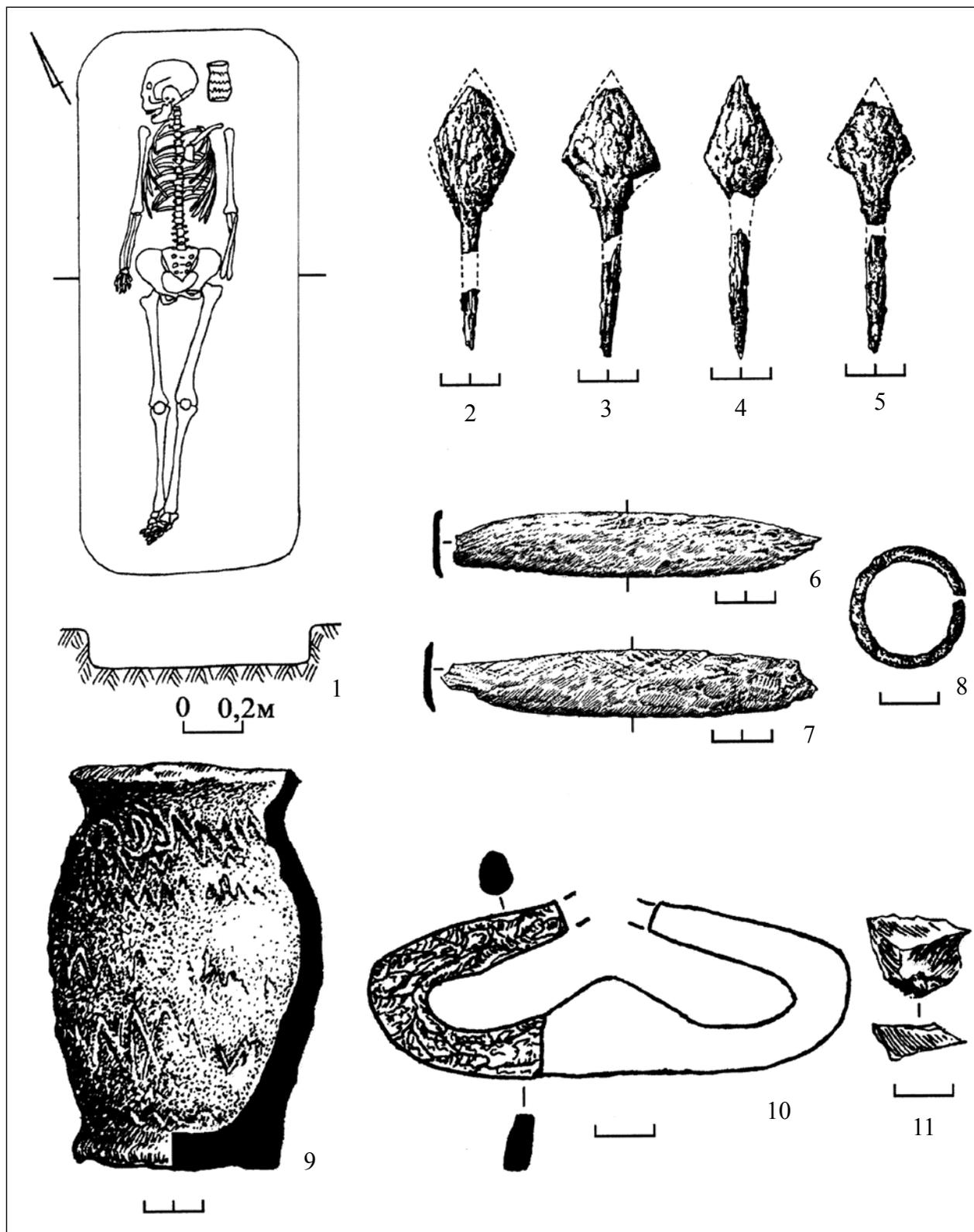

Рис. 10. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 40; 2–11: Инвентарь погребения 40
10. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 40. sír; 2–11: A 40. sír melléklete

болгарскими могильниками, так и некоторое своеобразие.

В этой связи особого внимания заслуживает мнение А. В. Комара, который из синхронных кочевнических древностей Северного Причерноморья выделяет памятники типа Субботцев, куда он включает и Слободзейский могильник.³⁸ Им в общих чертах предложен процесс генезиса памятников Субботцевского типа. Он также подчеркивает, что «*происхождение и особенности культурных контактов носителей памятников типа Субботцев с окружающими народами идеально совпадают с письменными свидетельствами об этапах переселения мадьяр, тогда как хронология комплексов соответствует периоду пребывания мадьяр в Северном Причерноморье (836–895 гг.)*». По его мнению, эти факты позволяют уверенно выделить в качестве археологической культуры древних венгров Этелькеза памятники Субботцевского типа, связав дальнейшие перспективы исследования проблемы именно с изучением памятников данного культурного круга.³⁹ Подобного же мнения о Субботцевском типе и Слободзейском могильнике придерживается А. Тюрк.⁴⁰

Учитывая все это, хотелось бы кратко остановиться на контактах и связях населения, оставившего Слободзейский могильник, с другими этносами, которые прямо или косвенно прослеживаются по исследованным материалам.

Наличие вещей салтовского круга проявляется довольно ясно и наглядно. В этой связи особая сложность возникает в отношении изучения формирования, развития, датировки и этнического состава балкано-дунайской культуры, которую раньше считали идентичной салтовской, затем ее вариантом, а сейчас особой культурой. Взгляды, особенно на этническую составляющую этой культуры, расходятся и часто являются противоположными. Одни считают ее южнославянской, другие тюрко-болгарской, третьи отводят значительную роль в ней волошскому элементу.

Окончательно не решены вопросы датировки. По нашему мнению, она окончательно оформилась к началу X века. Период начала функционирования памятников Субботцевского типа приходится на IX век, когда в регионе и в большей степени на правом берегу Днестра была распространена восточнославянская культура типа Луки-Райковецкой. В рассматриваемом регионе памятники этой культуры выявлены на всей территории Днестровско-Прутского междуречья от верховий Днестра и Прута до побережья Черного моря.⁴¹ Самый южный из них исследован на правом берегу Днестровского лимана возле села Шабо.⁴² В западном направлении памятники этой культуры достигали Карпат.

Проблемы славяно-венгерских отношений в IX в. интересуют исследователей уже более ста лет. Историки выясняли различные аспекты этих отношений, но, как уже было сказано выше, без археологических источников и их всестороннего анализа в комплексе с другими источниками сложно ждать прогресса в этом направлении.

Материалы Слободзейского могильника дают прямые свидетельства о связях оставившего его населения с восточными славянами, которые проживали буквально рядом на противоположном берегу Днестра. Этим свидетельством является восточнославянская керамика типа Луки-Райковецкой, выявленная в трех погребениях Слободзейского могильника, которая по своим технико-типологическим особенностям относится ко второй половине IX в. Как она попала сюда можно только догадываться. Отношения между венграми и славянами, скорее всего, складывались по-разному. Очевидно, они могли быть и враждебными, и дружественными. В этой связи интересно отметить косвенное тому подтверждение. В рассматриваемом регионе памятники культуры типа Луки-Райковецкой в VIII – первой половине IX вв. были представлены исключительно неукрепленными поселениями, но, примерно во второй половине IX в. появ-

³⁸ КОМАР 2011, 56–69.

³⁹ КОМАР 2011, 56–69.

⁴⁰ ТЮРК 2012, 22–26.

⁴¹ ТЕЛЬНОВ 1999, 142–263.

⁴² СМИЛЕНКО–КОЗЛОВ 1985, 119–136.

ляются мысовые городища, при исследовании которых зафиксированы следы пожара и разрушения. Так наиболее близким к Слободзейскому могильнику является городище Калфа, расположенное на правом берегу Днестра, в 30 километрах выше по течению. Здесь прослежено два строительных периода. Первый из них датируется VIII–IX вв. с восточнославянской керамикой типа Луки-Райковецкой.⁴³ К этому времени относятся две укрепленные линии, ограничивающие городище, состоящие из рвов и валов и деревянно-земляных конструкций. Укрепления были сожжены во второй половине IX века. Из десяти исследованных жилищ, относящихся к культуре типа Луки-Райковецкой, некоторые также носили следы пожара.⁴⁴ Такая же картина наблюдается на городище Речула, расположенном в центральной части Молдавии. Мысовое городище, состоящее из трех укрепленных площадок, было сожжено во второй половине IX в., в период развития поздней фазы культуры типа Луки-Райковецкой.⁴⁵

Таким образом, можно полагать, что мысовые славянские городища во второй половине IX в. в регионе появились в связи с венгерской опасностью.

О нападениях венгров на славян в это же время сообщается в сочинениях восточных авторов, таких как Ибн Русте,⁴⁶ Гардази и ал-Марвази.⁴⁷

На рассматриваемой территории встречаются отдельные находки венгерских вещей, в том числе на славянских памятниках.⁴⁸ В таком случае, можно полагать, что если отношения между венграми и славянами не всегда были враждебными, то они могли быть, если не дружественными, то приемлемыми для соседского или совместного проживания. Учитывая то, что по данным Константина Багрянородного венгры расселились в IX веке до Сирета, то очевидно, что их поселения могли размещаться не только на левобережье Днестра, но и в Днестровско-

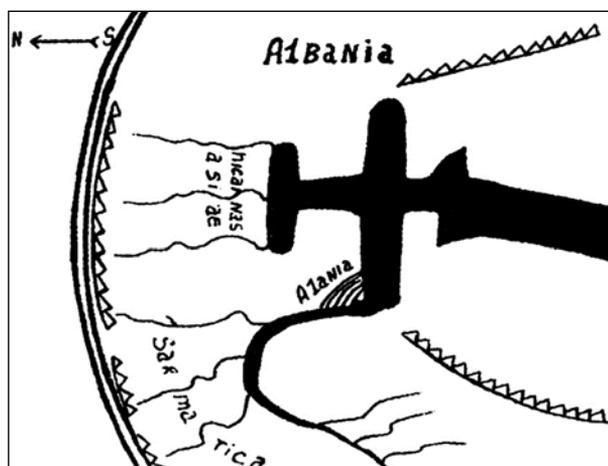

Рис. 11. Фрагмент овальной карты испанского монаха Беата Лиеванского (776 г.) (по БУБЕНОК 1997)

11. kép. Lièbanai Beatus spanyol szerzetes 776-ban készített ovális világtérképének részlete (БУБЕНОК 1997)

Прутском и Сиретском междуречье, в зоне плотного расположения славянских поселений. На наш взгляд именно здесь происходили самые важные и интенсивные контакты мадьяр с восточнославянским населением до переселения их на свою новую родину. Полагаем, что именно здесь связи мадьяр со славянами уже оказали определенное влияние на венгерский язык, его словарный состав, на сельскохозяйственную и культурную лексику, обогатились славянскими заимствованиями. Именно эти контакты способствовали также переходу мадьяр к полуседлому образу жизни и более эффективной экономике. Все это подготовило их при переходе на новую родину к более тесным контактам с местными славянами и к формированию венгерского раннефеодального государства.

По данным венгерских исследователей в венгерском языке также имеется небольшая группа слов аланского происхождения, связанных с земледелием и торговой деятельностью.⁴⁹ В этой связи некоторые венгерские ученые

⁴³ ЧЕБОТАРЕНКО 1973, 42–44.

⁴⁴ ЧЕБОТАРЕНКО 1973, 45–67, 68–79.

⁴⁵ ВЛАСЕНКО 1990, 212–229.

⁴⁶ ШУШАРИН 1997, 105–106.

⁴⁷ НОВОСЕЛЬЦЕВ 1965, 389–391.

⁴⁸ РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007, 195–230.

⁴⁹ БАРТА 1972, 126.

уделяли большое внимание проблемам северокавказских контактов. Другие, отрицая это, относили контакты аланского населения и древних венгров ко времени их совместного проживания в рамках салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата.⁵⁰

Однако из последних исследований выясняется, что ираноязычное население в Восточной Европе существовало на протяжении всего средневековья. Данные письменных источников и археологии позволяют предполагать, что во второй половине I тыс. н.э. в степной и лесостепной зонах Восточной Европы сосуществовали славянские и ираноязычные общности.⁵¹

Исследователи обращают внимание на приведенные Константином Багрянородным названия рек в местности печенегов, ранее заселенной венграми: Варух, Куву, Трулл, Брут, Сирет. Из них первые три топонима являются тюркскими эквивалентами названий Днепра, Буга и Днестра, а два последних Прут и Сирет иранского и древнего индоевропейского происхождения.⁵² По справедливому мнению О. Б. Бубенка, это может свидетельствовать о том, что по берегам этих рек долгое время могло сохраняться прежнее аборигенное население.⁵³

По данным Ю. А. Кулаковского на этих землях уже в античное время находилось аланское население.⁵⁴ Очевидно, что не случайно в античных источниках река Прут была названа не иначе как «река аланов».⁵⁵ Определенный интерес представляет карта Беата (*рис. 11*), на которой Алания в VIII в. была изображена к северу от устья Дуная.⁵⁶ Интересна в этой связи информация Николая Мистика о том, что аланы, печенеги, русы и венгры могли нападать на Дунайскую Болгарию.⁵⁷ Исходя из этого, можно предпо-

ложить, что перечисленные народы в IX – начале X вв. находились в районе Северо-Западного Причерноморья. Все это позволяет заключить, что в Днестровско-Дунайском регионе в IX в. проживали аланы. Поселения аланов-ясов существовали в Северо-Западном Причерноморье в первой половине II тысячелетия н.э.⁵⁸ Свидетельством этому в настоящее время является наименование г. Яссы, носившего название Ясский торг в средние века.

Европейские источники сообщают, что в конце IX в. завоевывать Паннонию венграм помогали их аланские союзники. Известно также, что эти аланы были переселены венграми для охраны некоторых территорий.⁵⁹ Исходя из этого, можно предположить, что вместе с венграми в Паннонию могла уйти часть тех алан, которые проживали в Северо-Западном Причерноморье.

Археологические источники также могут свидетельствовать о проживании алан в Днестровско-Дунайском междуречье. Так возникновение балкано-дунайской культуры IX–X вв. традиционно связывают с алано-болгарским населением Дунайской Болгарии. На этапах ее формирования выделяются аланские поселения со специфической керамикой. Примером может служить поселение Богатое, расположенное на западном берегу оз. Катлабух в Подунавье.⁶⁰ Законодателями моды в гончарстве и гончарных технологиях были именно аланы (*рис. 12; 13*).

Особый интерес представляют находки, которые ранее были практически неизвестны в рассматриваемом регионе. Так на Северном Кавказе в средневековых аланских погребениях и на поселениях выявлены амулеты и нашивки всадников, изучению которых посвящены ра-

⁵⁰ Фодор 2008, 37–52.

⁵¹ БУБЕНОК 1997, 117.

⁵² КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991, 394.

⁵³ БУБЕНОК 1997, 89.

⁵⁴ КУЛАКОВСКИЙ 1899, 9–49.

⁵⁵ АБАЕВ 1958, 486.

⁵⁶ БУБЕНОК 1997, 16–17, 89.

⁵⁷ БУБЕНОК 1997, 117.

⁵⁸ КУЛАКОВСКИЙ 1899, 66–71.

⁵⁹ БУБЕНОК 1997, 90.

⁶⁰ КОЗЛОВ 2015, 162, 166–167.

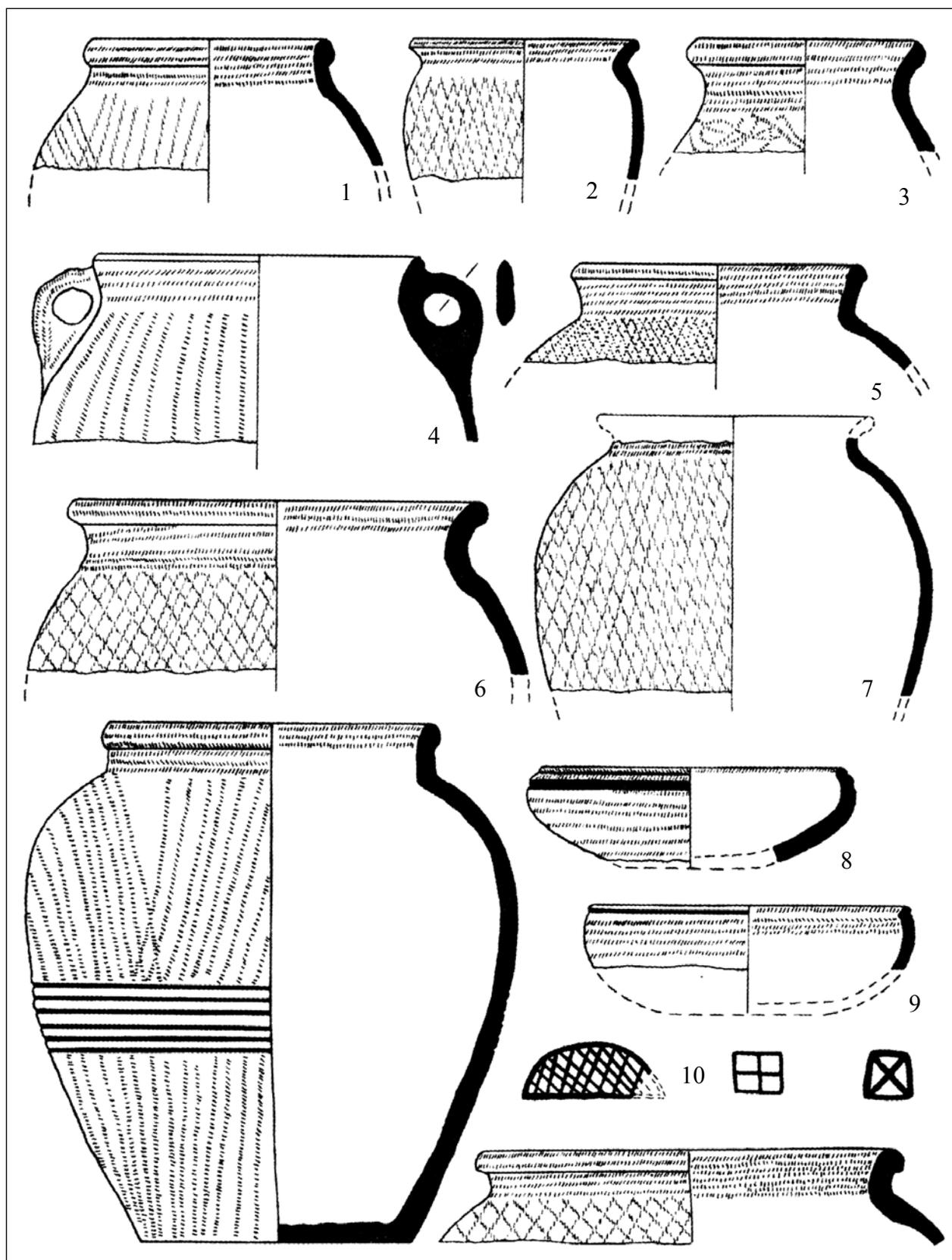

Рис. 12. 1–10: Керамика II группы из жилища 2 поселения Богатое I (по Козлов 2015, рис. 81)
 12. kép. 1–10: A II csoportba tartozó kerámia a Bogatoje I. település 2. számú lakóházából (Козлов 2015, рис. 81)

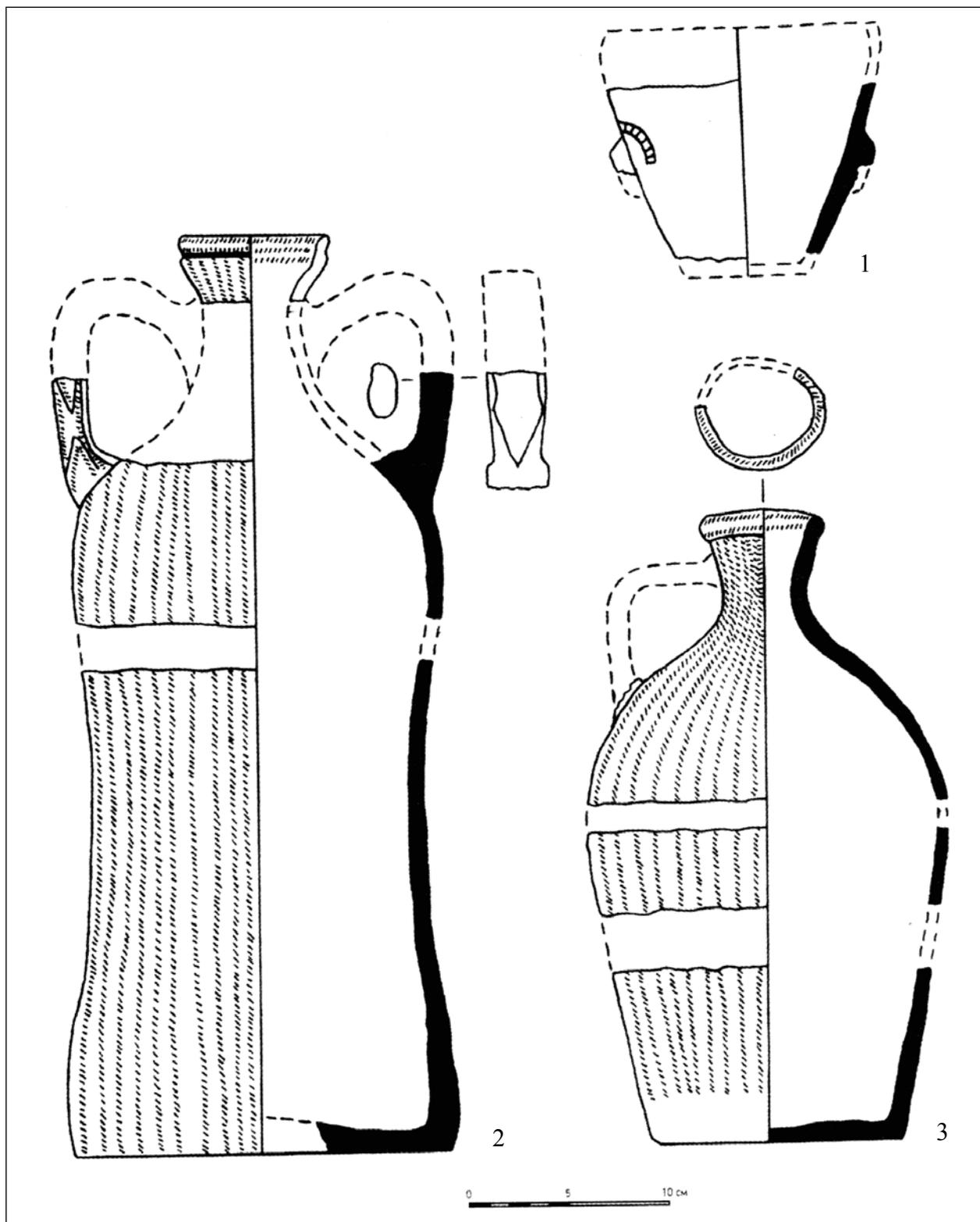

Рис. 13. 1–3: Керамика I группы поселения Орловка VI (по Козлов 2015, рис. 81)
13. kép. 1–3: Az I. csoportba tartozó kerámia Orlovka VI. településről (Kozlov 2015, рис. 81)

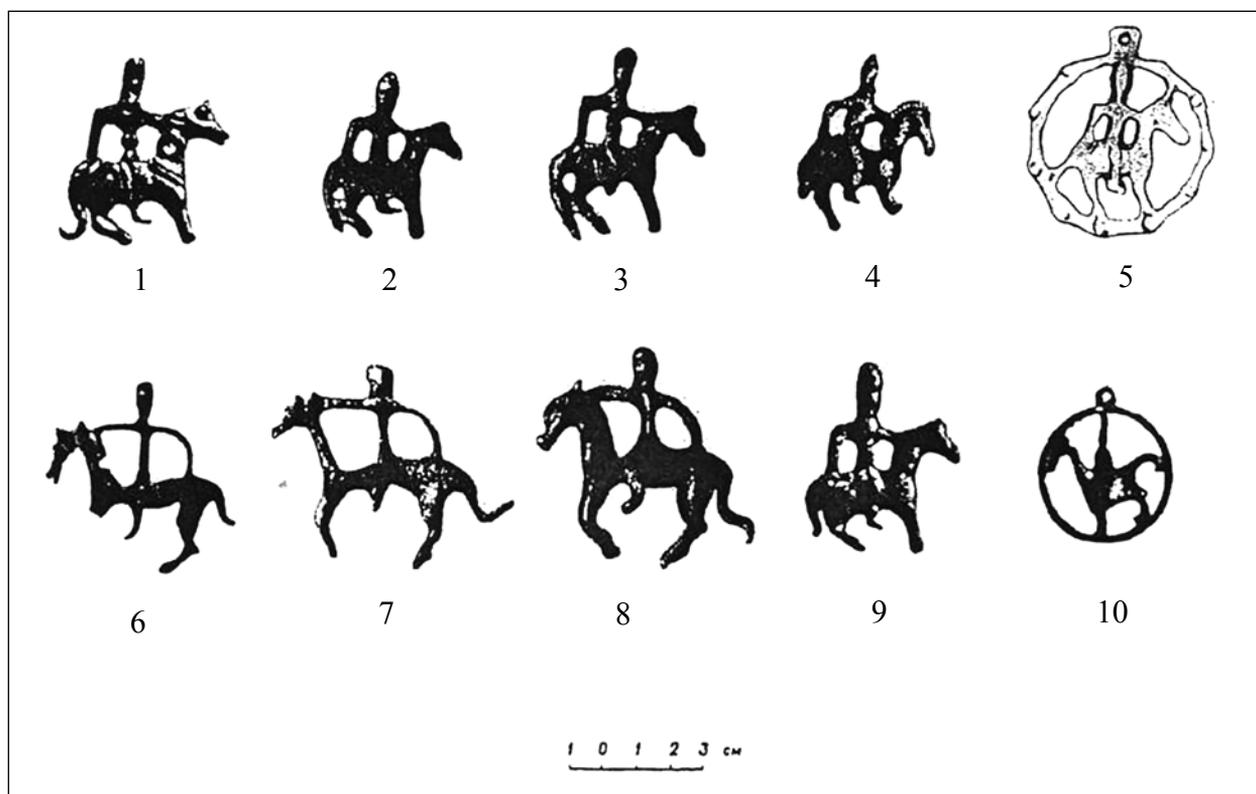

Рис. 14. 1–10: Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа (по АФАНАСЬЕВ 1973).
 1: Могильник близ Кисловодска. Катакомба 1; 2: Могильник близ Кисловодска. Катакомба 32; 3: Аул Зилги;
 4: Чегемское ущелье; 5: с. Первомайское; 6: могильник близ Кисловодска. Катакомба 21; 7: Песчанки; 8: с. Гоуст;
 9, 10: Верхне-Салтовский могильник

14. kép. 1–10: Bronzból készült lovasfigurák észak-kaukázusi alán sírokból (АФАНАСЬЕВ 1973). 1: Kiszlovodszkhoz közeli temető, 1. kamrasír; 2: Kiszlovodszkhoz közeli temető, 32. kamrasír; 3: Aul Zilgi; 4: Csegemszkoje uscelje; 5: Pervomajszkoje; 6: Kiszlovodszkhoz közeli temető, 21. kamrasír; 7: Peszsanski; 8: Gouszt; 9, 10: Verhnyij Szaltov-i temető

боты Г. Е. Афанасьева⁶¹ и В. Б. Ковалевской⁶² (рис. 14). Их аланская принадлежность твердо доказана и никем не оспаривается. В последнее время подобные находки все чаще стали появляться в Днестровско-Прутском междуречье⁶³ (рис. 15; рис. 16). Имеются и другие находки, которые принадлежат к аланскому кругу вещей.⁶⁴

Все это позволяет заключить, что интенсивные контакты венгров с аланским населением перед переселением их в Паннонию происходили в рассматриваемом регионе. Поэтому искать места контактов венгров с аланами не обязательно на Северном Кавказе, на что указывают имеющиеся источники.

Таким образом, если исходить из того, что памятники Субботцевского типа, к которым исследователи относят Слободзейский могильник, принадлежат венграм, то Нижнее Поднестровье является тем регионом, где венгры вступили в самый тесный контакт со славянами до своего переселения в Паннонскую низменность. Именно здесь, становясь полуоседлыми скотоводами, они могли позаимствовать от славян земледельческие способы ведения хозяйства, типы земледельческих орудий и славянскую сельскохозяйственную терминологию.

Именно здесь они могли вступить в более тесный контакт с аланами, а также перенять от них

⁶¹ АФАНАСЬЕВ 1973, 36–39.

⁶² КОВАЛЕВСКАЯ 1978, 111–120.

⁶³ POSTIĆA—GENTIĆ 2014, 45–72.

⁶⁴ ХОХЛОВ 2000, 200–205.

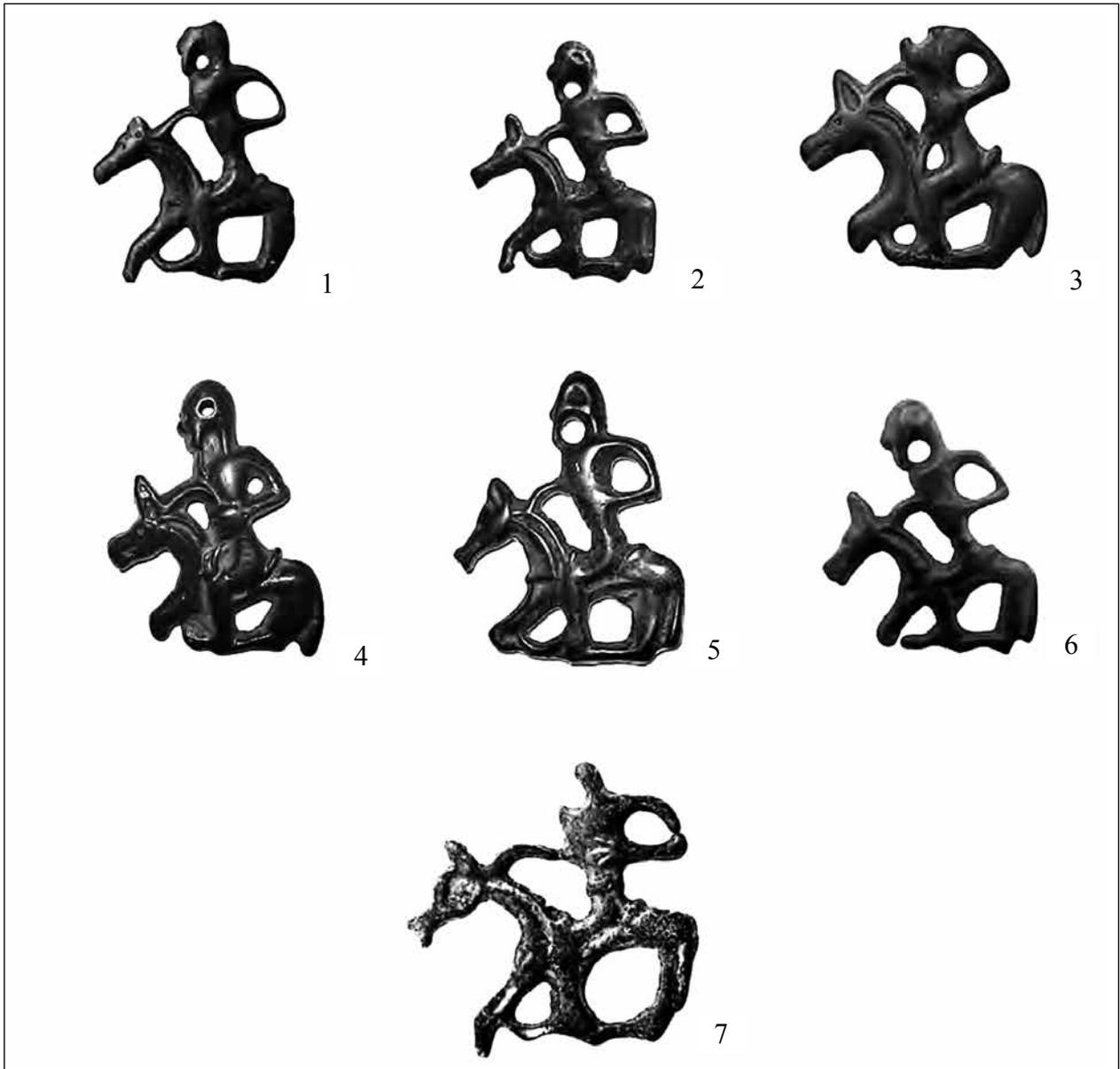

Рис. 15. Бронзовые фигурки всадников из Молдавии (по POSTICA–TENTIUC 2014). Тип I из поселений. 1: Ханска; 2: Лукашовка; 3: Пэхэрничень; 4, 7: Бричань; 5: Еничой; 6: Местонахождение неизвестно
 15. kép. Bronzból készült lovasfigurák Moldovából (POSTICA–TENTIUC 2014). I. típus (telepleletek). 1: Hansca; 2: Lucășeuca; 3: Pohorniceni; 4, 7: Briceni; 5: Enicioi; 6: Ismeretlen lelőhely

определенные способы ведения земледельческого хозяйства и получить лингвистические заимствования в области земледельческой техники.

Учитывая справедливое мнение Антала Барта, высказанное более сорока лет назад, о том, что «без учета и понимания крупных изменений, которые оказали влияние на венгерские

племена еще на восточноевропейской равнине, нет возможности понять конкретные проявления неравномерности развития венгерской истории»,⁶⁵ важно продолжить изучение истории обретения новой Родины венграми.

Принимая во внимание суждение П. П. Толочко о том, что из салтовской культуры трудно

⁶⁵ БАРТА 1972, 127.

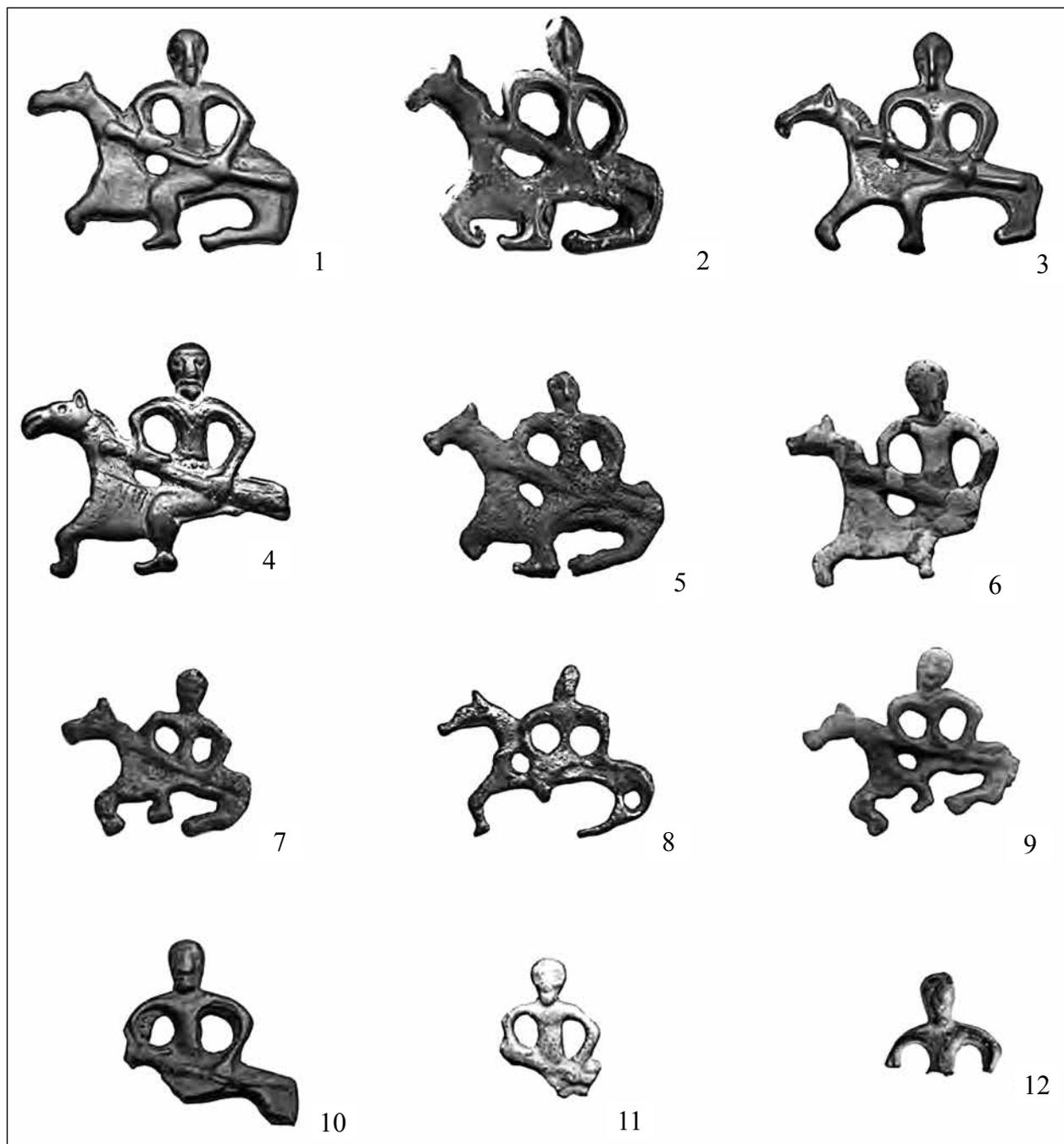

Рис. 16. Бронзовые фигурки всадников из Молдавии (по POSTICA–TENTIUS 2014). Тип II. 1: Ханска; 2: Каракушень Ной; 3: Капачила; 4: Попешть де сус; 5, 11: Татарэука веке; 6: Дезгинджа; 7: Пэхэрничень; 8: Фурчень; 9: Окница; 10: Инундень; 12: Бэлинць

16. kép. Bronzból készült lovasfigurák Moldovából (POSTICA–TENTIUS 2014). II. típus. 1: Hansca; 2: Caracuşenii Noi; 3: Kapacsila; 4: Popeştii de Sus; 5, 11: Tătărăuca Veche; 6: Dezghingea; 7: Pohorniceni; 8: Furceni; 9: Ocniţa; 10: Inundeni; 12: Belinc

вычленив венгерскую,⁶⁶ можно все же отметить, что с выделением памятников Субботцевского типа, наметилась положительная тенденция в решении этой проблемы. Осталось только найти новые памятники. Полагаем, что поиски могильников, в том числе курганных, IX в. следует проводить в Нижнем Поднепровье. Думаем, что они, с большой вероятностью будут бескур-

ганными, ярким свидетельством чего являются ранние могильники в Паннонии.⁶⁷ По случайности Слободзейский могильник разместился на кургане, что подтверждается несколькими погребениями рядом с насыпью и отсутствием подобных могильников в сотнях раскопанных курганов в регионе.

ПИСМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Константин Багрянородный 1991: Константин Багрянородный: *Об управлении империей*. Москва 1991.

ЛИТЕРАТУРА

- АБАЕВ 1958: Абаев, В. И.: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Ленинград 1958.
- АКСЕНОВ 1999: Аксенов, В. С.: Старосалтовский катакомбный могильник. *Vita Antiqua* 1999:2, 137–149.
- АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 1998: Аксенов, В. С. – Михеев, В. К.: Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца. В: *Культура Евразийских степей в I тыс. н.э. (вопросы хронологии)*. Ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 344–357.
- АФАНАСЬЕВ 1973: Афанасьев, Г. Е.: Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа. *Сообщения Государственного Эрмитажа* 36 (1973) 36–39.
- БАЛАГУРИ–ФОДОР 1998: Балагури, Э. А. – Фодор, И.: Раскопки могильника периода обретения венграми новой Отчизны в с. Чома, Береговского района, Закарпатской области. *Carpatica–Карпатика* 5. Ужгород 1998, 166–169.
- БАЛИНТ 1972: Балинт, Ч.: Погребения с конями у венгров в IX–X вв. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 176–188.
- БАРТА 1972: Барта, А.: Истоки венгерской культуры X в. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 118–127.
- БУБЕНОК 1997: Бубенок, О. Б.: *Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XII вв.)*. Киев 1997.
- ВЛАСЕНКО 1990: Власенко, И. Г.: Исследования городища Речула. *Археологические исследования в Молдавии в 1985 г.* Кишинев 1990, 212–229.
- КАЗАКОВ 1984: Казаков, Е. П.: О культе коня в средневековых памятниках Евразии. В: *Западная Сибирь в эпоху средневековья*. Ред.: Чиндина, Л. А. Томск 1984, 99–110.
- КАМИНСКИЙ 1987: Каминский, В. Н.: Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани. *Советская археология* 1987:4, 187–205.

⁶⁶ Толочко 1999, 33.

⁶⁷ Эрдели 1972, 128–144.

- Кирпичников 1973: Кирпичников, А. Н.: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* В: Свод археологических источников Е 1–36. Ред.: Каргер, М. К. Ленинград 1973.
- Ковалевская 1978: Ковалевская, В. Б.: Изображение коня и всадника на средневековых амулетах северного Кавказа. В: *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Ред.: Козенкова, В. И. – Краснов, Ю. А. – Розенфельдт, И. Г. Москва 1978, 111–120.
- Ковалевская 1979: Ковалевская, В. Б.: *Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки*. В: Свод археологических источников Е 1–2. Ред.: Каменецкий, И. С. Москва–Ленинград 1979.
- Козлов 2015: Козлов, В. И.: *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI веков: балкано-дунайская культура*. Казань–Санкт-Петербург–Кишинев 2015.
- Комар 2005: Комар, А. В.: Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. В: *Сугдейский сборник 2*. Ред.: Куковильская, Н. М. Киев–Судак 2005, 160–188.
- Комар 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Ред.: Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.
- Круглов 2005: Круглов, Е. В.: Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья. В: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья 4. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2005, 73–143.
- Кулаковский 1899: Кулаковский, Ю. А.: *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*. Киев 1899.
- Ляпушкин 1958: Ляпушкин, И. И.: Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. В: *Материалы и исследования по археологии СССР 62*. Ред.: Артамонов, М. И. Москва 1958, 85–150.
- Мажитов 1981: Мажитов, Н. А.: Южный Урал в IX – начале X в. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 80–82, 170–172.
- Михеев 1986: Михеев, В. К.: Сухогомольшанский могильник. *Советская археология* 1986:3, 158–173.
- Мошкова–Максименко 1974: Мошкова, М. Г. – Максименко, В. Е.: Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. В: *Археологические памятники нижнего Подонья 2*. Ред.: Мошкова, М. Г. – Шелов, Д. Б. Москва 1974, 5–80.
- Новосельцев 1965: Новосельцев, А. П.: Восточные источники о восточных славянах и Руси I–IX вв. В: *Древнерусское государство и его международное значение*. Ред.: Пашуто, В. Т. – Черепнин, Л. В. Москва 1965, 355–419.
- Новосельцев 1990: Новосельцев, А. П.: *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. Москва 1990.
- Плетнева 1958: Плетнева, С. А.: *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*. Материалы и исследования по археологии СССР 62. Москва 1958, 151–226.
- Плетнева 1967: Плетнева, С. А.: *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. Материалы и исследования по археологии СССР 142. Москва 1967.
- Плетнева 1981: Плетнева, С. А.: Салтово-маяцкая культура. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 62–75.
- Плетнева 1981а: Плетнева, С. А.: Ранние болгары на Волге. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 77–79.
- Плетнева 1989: Плетнева, С. А.: *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. Москва 1989.
- Рябцева–Рабинович 2007: Рябцева, С. – Рабинович, Р.: К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. *Revista Arheologică, serie nouă*. 3/1–2 (2007) 195–230.
- Смиленко–Козлов 1985: Смиленко, А. Т. – Козлов, В. И.: Славянское поселение конца I тысячелетия н.э. у с. Шабо на Днестровском лимане. В: *Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье*. Ред.: Бырня, П. П. Кишинев 1985, 119–136.

- СТАШЕНКОВ 1998: Сташенков, Д. А.: Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы). В: *Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э.* Ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 213–231.
- ТЕЛЬНОВ 1999: Тельнов, Н. П.: Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. *Stratum plus* 5. Ред.: Рабинович, Р. А. – Тельнов, Н. П. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест 1999, 142–263.
- ТОЛОЧКО 1999: Толочко, П. П.: *Кочевые народы степей и Киевская Русь.* Киев 1999.
- ТЮРК 2012: Тюрк, А.: Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр). В: *IX Евразийский научный форум «Наследие Л. Н. Гумилева и современная Евразийская интеграция».* Ред.: Садыков, Е. Б. Астана 2012, 22–26.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ 1966: Федоров-Давыдов, Г. А.: *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.* Москва 1966.
- ФЛЕРОВ 1993: Флеров, В. С.: *Погребальные обряды на севере Хазарского Каганата.* Волгоград 1993.
- ФОДОР 2008: Фодор, И.: Древние венгры и Северный Кавказ. В: *Hungaro-Russica III. История и культура Евразийской степи.* Ред.: Васильев, Д. Д. Москва 2008, 37–52.
- ХОХЛОВ 2000: Хохлов, В. А.: Об аланской принадлежности амулета из Старого Орхея (Требужен). В: *Археологические вести* 7. Ред.: Носов, Е. Н. Санкт-Петербург 2000, 200–205.
- ЦУКЕРМАН 1998: Цукерман, К.: Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 6. Симферополь 1998, 663–688.
- ЧЕБОТАРЕНКО 1973: Чеботаренко, Г. Ф.: *Калфа – городище VIII–X вв. на Днестре.* Кишинев 1973.
- ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ТЕЛЬНОВ 2008: Щербакова, Т. А. – Тащи, Е. Ф. – Тельнов, Н. П.: *Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея).* Кишинев 2008.
- ШУШАРИН 1997: Шушарин, В. П.: *Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания.* Москва 1997.
- ЭРДЕЛИ 1972: Эрдели, И.: Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. В: *Проблемы археологии и древней истории угров.* Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 128–144.
- POSTICĂ–TENTIUC 2014: Postică, G. – Tentiuc, J.: Amulete-călăreți de bronz din perioada medievală timpurie în spațiul Carpato-Nistrean. *Tyragetia. Arheologie Istorie Antică, seria noua.* Vol. 8:1 (23) 2014, 45–72.